

После восстановления Линь Жушаня в должности, ему была вменена в обязанности забота о здоровье императора. Линь Цинюю, наконец, не нужно было каждый день смотреть на лицо императора, так похожее на лицо Сяо Чэна. Медицинские навыки отца Линь превосходили навыки Линь Цинюя. Благодаря его чудесным рукам состояние императора улучшалось день ото дня. Хотя он еще не выздоровел окончательно, но головные боли больше не терзали его так часто, и пока не возникало обострения болезни, он ничем не отличался от большинства обычных людей.

В Восточном дворце рана Сяо Чэна, казалось, тоже хорошо затягивалась. Однако, удар, нанесенный мечом, непоправимо подорвал его здоровье. И никакое восстановление не могло сделать его прежним полным сил. Ежедневное употребление лекарств только усугубило и без того не очень спокойный нрав, сделав его еще более буйным и непредсказуемым.

Отряд Тяньцзи давно потерял след Шэнь Хуайши, и Сяо Чэн не мог думать больше ни о чем. Император принимал во внимание, что принц столкнулся с таким предательством, поэтому снисходительно относился к его вспышкам гнева и отвратительным выходкам. Тем не менее он все равно послал к нему Сюэ Ина, чтобы тот через намеки иносказательно наставил наследного принца на верный путь. Однако положительного эффекта от этого не последовало.

Как мог кто-то такой высокомерный и тщеславный, как Сяо Чэн, вынести превращение себя в горшок для лекарств? Еще больнее ему было, что таким его сделал именно выросший вместе с ним Шэнь Хуайши. И от того он ярился еще больше.

Сколько интриг он провел, скольких людей убил, чтобы добраться туда, где он был сегодня? Только для того, чтобы пасть от руки собственного теневого стража. Как он мог примириться с этим? Он не сдастся, пока не вернет Шэнь Хуайши для личной расправы над ним.

В спальне императора Линь Жушань только что закончил делать императору иглоукалывание. Тело императора стало легким, но в его сердце росло недовольство. Хотя Линь Цинюю и Линь Жушань были отцом и сыном, внешне они были не очень похожи. Линь Жушань был обычным красивым мужчиной, но ослепительная красота Линь Цинюя были настоящей редкостью. Если бы супруги-мужчины не приносили несчастье, император ни за что бы не заменил его.

Когда Линь Жушань собирался уже уходить, император небрежно спросил: «Чем занимался Линь Цинюю последнее время?»

Линь Жушань слегка переменялся в лице, но спокойно ответил: «Последние несколько дней мой сын находился в Императорской лечебнице, составляя лекарства для его величества».

Император немного заколебался, но мысли о зловещей и неблагоприятной природе супруга-мужчины давили на его сердце. Махнув рукой, он заметил: «Не обращай внимания. Можешь уйти».

Линь Жушань вернулся домой, отягощенный мыслями. У входа в резиденцию Линь он увидел величественного ахалтекинца. Он узнал этого жеребца. Это был конь Гу Фучжоу, только он стал намного упитаннее, чем в прошлом. Линь Жушань поспешно вошел в резиденцию и спросил управляющего: «В дом пришел генерал Гу с визитом?»

Управляющий со странным выражением на лице живо ответил: «Да-да, генерал внутри, пьет чай с госпожой и старшим молодым господином».

Линь Жушань переспросил, уточняя: «Цинюй тоже вернулся?» Идеальное время, он хотел напомнить сыну, чтобы тот был осторожен с императором.

Когда он добрался до внутреннего двора, Линь Жушань понял, что пришли не только эти двое. Во дворе было много новых лиц. Должно быть, все они явились из резиденции генерала. Пришедший вместе с генералом Юань Инь инструктировал остальных куда вносить и ставить один за другим ящики из красного дерева. Коробы из красного дерева были перевязаны праздничным красным шелком, как если бы они использовались для предложения о браке. Но дело в том, что в резиденции Линь не было дочерей.

Линь Жушань вошел в главный зал, терзаемый сомнениями, только для того, чтобы увидеть, что лицо его жены было еще более сложным, чем у управляющего. Увидев его возвращение матушка Линь словно обрела опору и освободилась от тяжкого бремени, обратившись к нему с приветствием: «Господин».

Линь Жушань первым поприветствовал Гу Фучжоу, который в свою очередь быстро помог ему подняться. Глава семейства Линь поинтересовался: «Генерал, это...»

Гу Фучжоу улыбнулся и ответил: «Приемный отец, я здесь от своего имени, чтобы сделать предложение о браке».

Линь Жушань с супругой быстро переглянулись. И Линь Жушань задал следующий вопрос: «Осмелюсь спросить генерала, кому вы хотите сделать предложение руки и сердца?»

Линь Цинюй ответил вместо него: «Мне».

Более неожиданного предложения о браке от Гу Фучжоу, родителей Линь потрясло отношение к этому их старшего сына. В прошлый раз, когда для предложения руки и сердца к ним явились из резиденции Наньань Хоу, Линь Цинюй посчитал, что быть супругом-мужчиной – это позор и унижение, и чуть ли не предпочел смерть позорному браку. Однако в конце концов ему пришлось подчиниться, ведь он не мог пойти против императорского указа. Почему на этот раз он так спокойно соглашается?

Гу Фучжоу терпеливо объяснил им двоим: «Император намерен даровать мне

брак. Кандидатка, которую он выбрал для меня, – это либо его дочь, либо одна из дочерей государственных чиновников. На мой взгляд, ни одной из этих девушек нельзя доверять. Держать любую из них рядом со мной было бы сродни поиску неприятностей и попустительству врагу. Поэтому я хочу уладить свой брак до того, как выйдет высочайший указ его величества».

Мать Линь растерянно заметила: «Генерал – непревзойденный герой, мудрый и могущественный воин. Должно быть много женщин, которые искренне восхищаются вами. Генерал мог выбрать любую понравившуюся даму из военной семьи. Почему вы настаиваете на браке с Цинюем из нашей семьи?»

Когда Гу Фучжоу спросили об этом, он посмотрел на Линь Цинюя, ища у него поддержки. Цинюй не хотел волновать своих родителей, поэтому он не рассказывал им о своем трудном положении во дворце. В этот момент он просто ответил: «Резиденция Линь находится под защитой генерала. Если я выйду замуж за генерала, преимущества перевесят недостатки, как для меня, так и для резиденции Линь».

Матушка Линь ничего не понимала. Она все еще помнила унижение, которому подвергся ее сын, когда его впервые заставили стать супругом-мужчиной. Она посмотрела на мужа, ожидая его слова в этом вопросе: «Господин...»

Долгое время молчавший Линь Жушань, наконец произнес: «Я понимаю».

Его старший сын сделал это не только для того, чтобы помочь генералу Гу, но чтобы избежать катастрофы для себя. У императора уже начали возникать неподобающие мысли о Цинюе. Возможно, однажды выйдет еще один императорский указ, предписывающий ему войти в гарем в качестве наложника. К тому времени было бы слишком поздно думать о другом выходе.

Линь Цинюй когда-то уже был супругом-мужчиной. Если попытаться найти девушку из подходящей семьи... Даже если бы кто-то захотел, сам бы он точно не согласился. Для них двоих было бы лучше заключить такой союз и в будущем просто продолжать заботиться друг о друге.

«Поскольку вы двое уже все решили, мы не будем возражать. – решил Линь Жушань и тут же добавил. – Только я боюсь, что его величество может не дать согласия, по крайней мере не так легко».

Гу Фучжоу улыбнулся и пообещал: «Не волнуйтесь, уважаемый тесть, просто предоставьте это дело мне».

Он назвал его «тестем» так быстро и с такой привычной легкостью, что это шокировало всех, кроме Линь Цинюя.

Видя, что мужчины собираются решить этот вопрос положительно, матушка Линь решила сказать: «Но не прошло и года с тех пор, как скончался молодой мастер Хоу».

Ее муж был недостаточно чувствителен и, возможно, не учел этот нюанс. После ухода Лу Ваньчэна Линь Цинюй внешне оставался спокойным и невозмутимым. Он не пролил ни единой слезинки по нему. Сын был таким с детства, ему было не так легко раскрыть свои чувства. Только она, как мать, знала, что Цинюй тяжело переживал смерть молодого мастера Хоу, он грустил больше, чем кто-либо другой.

Гу Фучжоу спросил, уточняя: «Теща беспокоится о слухах?»

Матушка Линь колебалась, не зная, как об этом можно сказать: «Дело не только в этом...»

Линь Цинюй знал, что имела в виду его мать.

«Не волнуйся, мама, – прошептал он. – Я давно забыл молодого мастера Хоу. Кто такой Лу Ваньчэн и какое отношение он имеет ко мне?»

Гу Фучжоу мог в этом случае только промолчать, сидя рядом.

После слов Линь Цинюя матушке Линь больше нечего было возразить.

Кольца были вручены, и с молчаливого согласия семьи Линь Гу Фучжоу без промедления отправился во дворец. А Линь Цинюй перед отъездом собирался поужинать с родителями дома.

Линь Цинхэ воспользовался возможностью, чтобы поддержать брата, и спросил: «Гэгэ, ты действительно хочешь выйти замуж за генерала Гу?»

Ему не разрешалось подслушивать разговор взрослых, но он все равно узнал об этом от своей мамы.

Линь Цинюй кивнул утвердительно: «Да».

«Но, генерал, он... он слишком стар, – заметил Линь Цинхэ, чувствуя обиду за брата. – Он на двенадцать лет старше гэгэ!»

Линь Цинюй ласково улыбнулся: «Не такой уж он и старый». С точки зрения фактического возраста, Гу Фучжоу был на год моложе его.

Линь Цинхэ умолял его отказаться: «Гэгэ, неужели ты не можешь найти другого мужа, такого

как Ванчэн-гэ?»

Линь Цинью объяснил своему младшему брату, что если он не выйдет за генерала, который был на двенадцать лет старше, его может взять в наложники старик на сорок лет старше. Только тогда Линь Цинхэ неохотно согласился на этот брак.

Тем временем Гу Фучжоу встречался с императором в зале Циньчжэн. Цвет лица императора значительно улучшился. Вероятно, пройдет совсем немного времени, и он сможет появиться в утреннем суде.

Император проговорил: «Айцин пришел как раз вовремя. Взгляни на срочный доклад Чжао Минвэя из Юнляна».

В своем срочном докладе Чжао Минвэй писал, что за несколько месяцев армия Западного Ся набралась сил и вернулась, вздымая пыль,* и что их возвращение было триумфальным. Они последовательно захватили три небольших города Даюй. После нескольких поражений моральный дух в армии стал нестабильным. Генералу Гу срочно требовалось вернуться в Юнлян, чтобы взять на себя руководство общей ситуацией.

[Примечание: Перегруппироваться и вернуться еще сильнее.]

Гу Фучжоу оставался внешне спокойным, но в его сердце будто промчались десять тысяч лошадей. Он не питал особых иллюзий о том, какое влияние он может оказать на общую ситуацию на поле боя. Цепь побед зависит от удачи, и за ними обязательно последует полоса поражений. Если он уйдет сейчас, то в будущем не снизит свой коэффициент побед. Чжао Минвэй участвовал в сотнях сражений, и его коэффициент побед может составлять всего шестьдесят процентов, но это было намного надежнее, чем его стопроцентный коэффициент побед всего в пяти сражениях.

Император напомнил ему: «Я уже говорил тебе ранее, что возможно, в столицу ты вошел одиноким, но я хочу, чтобы покинул ты ее частью супружеской пары. В прошлом из-за внезапной болезни наследного принца вопрос о твоём браке был отложен. Теперь это больше нельзя откладывать. Сначала ты должен решить вопросы своего дома. Таким образом, тебе не придется в будущем беспокоиться о доме, пока ты будешь пребывать в Юнляне. Императрица представила тебе многих благородных дам. Есть ли у тебя в сердце любимая избранница?»

Гу Фучжоу закрыл доклад и ответил: «Думая как раз об этом, я пошел к наставнику нации Сюй, чтобы попросить предсказание относительно моего брака».

«О? – император всегда уважал трудно постижимого наставника нации. – И что он сказал?»

«Наставник нации сказал, что этот чиновник должен взять в жены мужчину. Мужчину, родившегося в одиннадцатый день третьего месяца года Гуйвэй. Только так я могу получить божественную помощь на поле битвы».

«Супруга-мужчину? – император нахмурился. – Наставник нации действительно так сказал?»

«Действительно. Ваше величество уже однажды сделали исключение, чтобы позволить покойному молодому мастеру Хоу жениться на мужчине. Я надеюсь, что его величество сделает еще одно исключение для этого чиновника».

Император поинтересовался, спросив у него: «Разве ты не знаешь, что ходят разговоры о не благоприятности и зловещей природе супруга-мужчины?»

«Наставник нации сказал, что и благо, и зло зависят от конкретного человека. Супруг-мужчина может показаться злом для других, но для этого министра это благоприятный знак».

Учитывая прецедент, императору было не так просто отказаться, поэтому он поинтересовался: «И ты смог найти человека с соответствующим гороскопом из восьми знаков?»

«Да, нашел. По случайному совпадению, мой приемный брат, императорский лекарь Линь Цинъюй, родился в одиннадцатый день третьего месяца года Гуйвэй».

Император внезапно вскочил на ноги, потрясенно воскликнув: «Линь Цинъюй? Ты говоришь о Линь Цинюе?»

Он слишком резко встал, его тело все-таки оставляло желать лучшего, поэтому он неизбежно пошатнулся. Сюэ Ин поспешно шагнул вперед, чтобы помочь ему, напоминая: «Ваше величество, пожалуйста, позаботьтесь о своем теле».

Император осознал свою потерю контроля и проговорил, все еще не дав своего согласия: «Линь Цинъюй – выдающийся талант в Императорской лечебнице. Мое будущее здоровье зависит от него. Как он может выйти за тебя замуж?»

Гу Фучжоу объяснил, успокаивая: «Одно другому не противоречит. Поскольку императорский лекарь Линь уже вступил в должность, он должен продолжать выполнять свои обязанности в будущем так же, как делал это до брака. Этому министру не нужно, чтобы он выполнял обязанности хозяйки дома».

«Вздор. – Император хлопнул ладонью по столу. – Как я могу позволить супругу-мужчине занимать официальную должность пятого класса и общаться с гражданскими и военными чиновниками во дворце!»

Тон Гу Фучжоу стал немного холоднее, он тут же заметил: «Императорский лекарь Линь раньше уже был супругом-мужчиной. Несмотря на это, ваше величество все же дали ему официальную должность. Императорский лекарь Линь придумал лекарство от эпидемии и лекарство от головной боли для вашего величества. Принимая во внимание здоровье самого императора, этот министр готов позволить своему супругу продолжать служить во дворце».

Император холодно бросил: «Я еще не согласился, а ты уже называешь его „супругом“?»

Гу Фучжоу слегка приподнял уголок губ, еле заметно улыбаясь, напоминая: «Как сказала ранее ваше величество, я должен сначала уладить дела своего дома, таким образом, мне не нужно будет беспокоиться, пока я нахожусь в Юнляне. – Гу Фучжоу опустился на колени и отдавая честь. – Я прошу императора даровать такой указ».

Услышав скрытую угрозу в словах Гу Фучжоу, император пришел в ярость, и на него тотчас обрушился приступ сильной головной боли. Не в силах сосредоточиться ни на чем другом, он схватился за голову и нетерпеливо приказал Сюэ Ину: «Позови сюда Линь Жушаня!»

Новость о том, что Линь Цинюй собирается снова выйти замуж, на этот раз за Гу Фучжоу, распространилась словно лесной пожар. Прошло больше года и резиденция Линь вновь стала предметом послеобеденных сплетен среди богатых и влиятельных семей столицы. Возможно, правильнее было бы сказать, что резиденция Линь не переставала быть предметом слухов с того дня, как Линь Цинюй вышел замуж за Лу Ваньчэна.

В Императорской лечебнице ходило множество слухов о Линь Цинюе. Несколько раз Ху Цзи хотел спросить его, что происходит на самом деле. Но, видя, что молодой человек продолжает вести себя так, словно это его не касается, он проглотил вертящиеся на языке слова.

Линь Цинюй ненавидел людей, которые слишком много говорили. Если вы хотели подружиться с ним, вам нужно было знать, что следует говорить, а что нет.

В этот день Ху Цзи возвращался после посещения пациента. Впереди он увидел нескольких цензоров, которые шли вместе, обсуждая повторный брак Линь Цинюя.

«Хотя уже есть прецедент для супруга-мужчины, это все равно неприятный прецедент. Как генерал Гу мог сделать предложение овдовевшему супругу-мужчине? Я просто не понимаю этого».

«Я слышал, что он попросил наставника нации о гадании, и тот сказал, что Линь Цинюй может принести ему удачу и благополучие».

«Глупости! Гу Фучжоу, должно быть, был очарован красотой Линь Цинюя, поэтому он попросил наставника нации поддержать его. Сейчас генерал погряз в мужеложестве, в будущем вражеская армия может устроить для него „медовую ловушку“, а там не далеко и до сдачи в бою?»

«По-моему, это Линь Цинюй соблазнил его. Вместо того чтобы выполнять свой долг и оставаться вдовцом своего покойного мужа, он стал императорским врачом с непокрытой головой. Я бы не удивился ничему, что он делает. Жаль, что он запятнал доброе имя генерала Гу...»

Ху Цзи не мог спокойно слышать эти слова, но, учитывая его положение, у него не было нужной на то квалификации, чтобы выступить вперед и прервать эти сплетни. Он собирался уже пойти другой дорогой, чтобы хотя бы не слушать их. Как вдруг услышал позади себя чей-то голос: «Я сказал...»

Он и цензоры одновременно оглянулись назад. Позади они увидели Гу Фучжоу, одетого в официальную одежду генерала первого класса, на которой были вышиты два летящих орла. Высокий и величественный, с суровым выражением на лице, он стоял перед группой этих чиновников. Не будет преувеличением сказать, что он выглядел как журавль, возвышающийся над курами*.

[Примечание: 鹤立鸡群 / hèlì jīqún. Стоять как журавль среди кур. Обр. в знач.: возвышаться над окружающими, выделяться, возвыситься, быть на голову выше других; великан среди пигмеев, выделяться среди других своими способностями; белая ворона.]

«... достаточно. – Гу Фучжоу медленно проговорил, спрашивая. – Как вы думаете, о ком вы сейчас говорите?»

Голос Гу Фучжоу был необычно спокоен, но едва различимая жажда убийства заставила всех присутствующих почувствовать давление и угнетение.

Цензоры переглянулись и вместе отдали ему честь: «Этот чиновник приветствует генерала Гу».

Ян Гэн осмелился ответить за всех: «Мы все цензоры, лично назначенные императором. Как цензоры, мы обязаны строго соблюдать дисциплину и выполнять свои обязанности по надзору. Мы должны сообщать о том, что узнали. Императорский лекарь Линь вел себя недостойно, он потерял всякий стыд и совесть. По какой причине мы не должны говорить об этом?!»

Взгляд Гу Фучжоу скользнул по каждому человеку в этой толпе: «Слушайте внимательно. Это я попросил у императора разрешения жениться на императорском лекаре Линь. Императорский лекарь Линь всячески сопротивлялся, и у него не было другого выбора, кроме как согласиться из-за моей власти. Если хотите кого-то ругать, то ругайте меня».

Ян Гэн сердито заметил: «Генерал ведет себя так агрессивно. Неужели генерал намерен обменяться со мной ударами?!»

«А я не могу?»

Как только Гу Фучжоу понизил голос, все чиновники подняли шум.

«Конечно, нет! Это императорский дворец, а не поле битвы на Северо-Западе. И это не

военный лагерь генерала!»

Гу Фучжоу зловеще улынулся: «Неужели вы думаете, что я никогда не сражался ни в каких других местах, кроме поля боя или военного лагеря?»

Ян Гэн покраснел как рак от гнева: «Неужели у генерала нет никакого уважения к императору!»

Видя, что ситуация становится серьезной, Ху Цзи, испугавшись, что Линь Цинъюй будет замешан в скандале, бросился вперед, выкрикнув: «Генерал!»

Гу Фучжоу, естественно, помнил этого императорского лекаря, который был тесно связан с семьей Линь: «Что-то не так?»

«Генерал, успокойтесь. В конце концов, это дворец. Если это дойдет до ушей императора и в этом обвинят лекаря Линь, тогда...»

Гу Фучжоу сразу потерял интерес к толпе: «Проваливайте отсюда».

Генерал Гу направлялся в зал Циньчжэн, чтобы обсудить военные действия на Северо-Западе с министрами, и он не задержится здесь надолго. Ху Цзи вернулся в Императорскую лечебницу и, увидев, что Линь Цинъюй просматривает какие-то медицинские записи, он подошел к нему, наклонившись поближе.

«Генерал Гу... - Ху Цзи вздрогнул. - Немного пугает».

Линь Цинъюй был немного удивлен такими выводами, поэтому спросил: «Почему ты так думаешь?»

Ху Цзи рассказал Линь Цинъюю о том, что он только что видел и слышал.

«Неудивительно, сколько душ генерал Гу забрал своим копьём Цинъюнь Цзючжоу? Только такой Бог войны Северо-Запада, как он, мог заставить этих цензоров замолчать только одной своей аурой. Однако я всегда считал генерала Гу сдержанным и образованным воином. Я никогда не ожидал, что он будет затевать драки за пределами поля боя или военного лагеря...»

После его слов Линь Цинъюй не смог сдержать улыбку.

Казалось, в его бывшем и будущем муже была какая-то сторона, которую он до этого не видел.

Окно было открыто, и порыв ветра принес в комнату легкий холодок. Линь Цинъюй удивленно

спросил: «Стало холоднее?»

Ху Цзи подтвердил: «Действительно, зима почти наступила».

Линь Цинъюй невольно вздохнул: «Так быстро».

История зимы вот-вот начнется снова.

Автору есть что сказать:

Под драками в другом месте эта соленая рыба имеет в виду то время, когда он дрался в школе и был наказан написать самоанализ после того, как его поймали? ~ [голова собаки]

<http://bllate.org/book/15122/1336682>